

**ФОРМУЛА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АНТОНА ЧИЖА**

АНТОН ЦИМЖ

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ОРФЕЙ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

Чиж, Антон.
Ч-59 **Безжалостный Орфей** : роман / Антон Чиж. – Москва : Эксмо, 2022. – 384 с.

ISBN 978-5-04-161991-6

Талант парикмахера не только в том, чтобы умело завить женский локон, выщипать брови и пленительно подкрасить ресницы. Парикмахер – тончайший психолог, знаток женских душ, их тайных стремлений и темных сторон. Он, словно волшебник, может несколькими словами и взмахами ножниц излечить раненное самолюбие, но может и нанести смертельную рану...

Новый ретро-детектив Антона Чижа погружает нас в мир салонов красоты конца XIX века! Безжалостный следователь полиции Ванзаров, едва не погибнув, словно Орфей, возвращается из ада в мир живых, а железный стоик криминалист Аполлон Лебедев впервые по-настоящему влюбляется... Чудовищные обстоятельства грозят героям гибелью, но полицейские сердца не дрогнут перед опасностью!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161991-6

© Чиж А., текст, 2012
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

• ТОМ I •

Треснувшие плиты глухо отражали шаги. Сводчатые потолки в заплесневелой известке разносили эхо до небес. Темноту стремительно рассекал высокий господин. Шаг его был так скор, что за полами пальто клубился водоворот октябрьского морозца, захваченного с улиц и не успевшего пасть снежком в сених. Макушкой не доставал этот господин до потолков, но в арках, неведь зачем деливших прямой коридор на равные ниши, пригибался, чтобы не посадить с размаху шишку.

Черты лица скрывала чернота. Но легко было распознать человека крепкого сложения и неудержимого характера. Такого, что и в мороз обойдется без шапки, и шарфы презирает. Будто внутренний жар столь крепко жжет, что никаким катаклизмам не заставить этого человека кутаться. Стоит отметить, что господин сжимал в руке желтый чемоданчик, который, несмотря на быстроту шага, летел не шелохнувшись, как по ниточке.

В стенах безнадежно осели мутные сладковатые запахи гниения и хлорки. Но и эти ароматы робко отступали под напором нового, окружавшего господина плотным облаком, пропитавшего пальто и костюм. Казалось, и старая известка теперь пахнет вызывающе дерзко, чем-то имбирно-пиратским или по меньшей мере возбуждающим фантазии о тропических морях и дебрях Южной Америки.

Стремительный гость не обращал внимания на окружающую убогость, словно бывал здесь не раз. И что делать в захудалом месте тому, у кого в галстук поблескивает брильянт заколки, пиджак моден и свеж, а на пальце нескромно топорщится перстенок?

Тьма уперлась в керосиновую лампу, огонек в которой тлел ровно настолько, чтобы человек мог разглядеть контур облезлой двери с табличкой «Вход воспрещен». У таблички отгрызли левый угол. Господин не церемонясь рванул створку, так что в кулаке остался кусок металлической ручки, и вошел, а вернее сказать — ворвался в помещение, которое сразу показалось тесноватым. Хотя комната была не так уж мала. Потолок терялся в высоте, а кафельной плитки, покрывавшей стены, хватило бы на то, чтобы выложить ею бассейн.

Не тратя слов на приветствия, господин с порога заявил:
— Что это значит?

Вопрос был задан таким особо спокойным тоном, что распознать прямую и явную угрозу, вплоть до расправы кулаками, не составило труда. Любой, кому был бы задан этот вопрос, предпочел бы его не слышать. Уж слишком отчетливо гость воплощал собой сдерживаемую ярость. Однако на месте «любого» оказался человек не робкой, а внушительной комплекции, которую подчеркивал белый халат, туго затянутый на груди и в талии холщовыми ляжками. Он неторопливо стянул резиновую перчатку, затем другую, при этом не пасуя под прожигающим взглядом, а сдерживая его, как зарвавшегося коня.

— В чем, собственно, дело? — спросил он.

Гость потряс бумажным комком, стиснутым в кулаке дохлым птенчиком:

— Это я вас спрашиваю: что это вот значит?

— Не имею чести знать.

— Ах ты... — начал было грозный господин, но удержался за ниточку приличий, — ...что еще за субъект такой нашелся? Кто таков?

«Владелец» кафельной комнаты представился доктором Епифанцевым и в свой черед пожелал узнать, с кем имеет честь свести столь приятное знакомство. Обрушился шквал чинов и научных регалий, завершившийся именем, которое гремело по всей столице. Если не по всей, то по Департаменту полиции наверняка. На доктора явление знаменитости не произвело впечатления. Даже с места не сдвинулся, не подбежал ручку пожать и даже бровью не повел. Напротив, излишне равнодушно спросил:

— Очень приятно. Так все-таки, что вам надо?

Под ноги полетел бумажный шарик. Епифанцев не поленился нагнуться, расправил, взглянул, положил замученный листик на металлический стол, который располагался в удобной близости, и сказал:

— Здесь все изложено верно. Не понимаю вашего беспокойства.

— Беспокойства? О каком беспокойстве речь! Я в бешенстве, если угодно!

— Желаете капле успокоительных?

— Шуточки оставить для ваших адъютантов! Кто составил этот бред?! Кто посмел?!

— Не бред, а заключение. Составлено мною лично. Прошу аккуратнее со словами. Здесь не полицейский участок.

— Смеее заявить, что не самый тяжелый случай отравления привел к такому фатальному результату? Так прикажете понимать? Как такое возможно?!

— Если бы господин эксперт потрудился прочесть от начала до конца, то, безусловно, обнаружил бы очевидную причину. Там все написано... — Доктор протянул документ.

Господин двинулся слишком решительно, чтобы истолковать это движение как вспыхнувший интерес, и оказался слишком близко для вежливого общения. Епифанцев не удостоил напор и легким сомнением, выказав поразительное хладнокровие.

— Требую, именно требую, чтобы мне предоставили тело для осмотра!

— Прошу простить, но это невозможно, — сказал доктор.

— Почему?

— Прошу извинить, не положено.

— Вот как? Это мне не положено?.. Мне?! Да вы... Да я вас... Да знаете, что...

— Да, знаю. Знаю, что обязан исполнять приказ Врачебно-санитарного комитета Министерства внутренних дел, в коллегии которого вы имеете честь состоять, от 13 марта нынешнего, 1895 года, где четко и строго прописаны меры по недопущению распространения опасных эпидемий. Вам не хуже, чем мне, известно, что полагается делать при возникновении столь серьезной угрозы.

То ли прохладность кафельных стен, то ли строгость приказа или стойкость доктора остудили взывавший характер. Важный господин ослабил напор и начал уговаривать совсем иначе, по-дружески, как коллегу, применил неподражаемую улыбку, пока наконец не опустил до интонаций скромного просителя.

— Дайте хоть взглянуть... — чуть не жалобно попросил он.

— Никак невозможно. Даже приближаться нельзя. Вы же сами понимаете, как ученый. Недопустимый риск. Прошу извинить, мне пора... — И гостю указали, куда ему следует отправиться.

* * *

Среди колонн, подпиравших свод парадного холла Александровской больницы, терялся худощавый юноша, закутанный в шинель гражданского кроя с поднятым во-

ротником, который упирался в фуражку, натянутую до ушей. На сквозняках огромной больницы молодой человек продрог до озноба. Заметив массивную фигуру в расстегнутом пальто, выплывшую из глубин больницы, припустил со всех ног.

— Ох, ну как там дела? — спросил он, отчаянно шмыгая носом. — Родиону Георгиевичу лучше? Как самочувствие? Видели его? А мне можно? Я быстренько сбегаяю... А то совсем окошел, оставили меня, так нечестно...

Опустив чемоданчик, господин раскурил сигарку, от дыма которой вздрогнули даже статуи, и тихо сказал:

— Кончено...

— Что «кончено»? — Молодой человек явно не уяснил, почему вместо добрых или хотя бы обнадеживающих вестей его пугают тревожными загадками. — Аполлон Григорьевич, лечение помогло? Когда его выписывают? Как у него дела? Настроение и вообще...

— Это трудно... Я бы хотел... Не знаю, как вам сказать.

— Да как есть, так и скажите...

— Наверно, это правильно. Лучше сразу. Так вот... — Господин осекся, словно собираясь с силами, и наконец сказал: — Ванзарова больше нет. Простите меня, Коля, что должен вам это сказать. Так все глупо вышло. И вас совсем не стоило бы... А пропади все пропадом. Вы уже не мальчик, чтобы сопли вытирать. Будьте сильным и мужественным. Пришла пора взрослеть, коллега. Родиона Георгиевича больше нет. Все. Простите.

Младший чиновник полиции Николая Гривцов считал себя образом мужества и в некотором роде рыцарства, что бывает в ранней юности со всеми. Но известие застало врасплох. Он старался, но никак не мог понять, в чем же

состоит шутка великого и ужасного Лебедева, в чем ее смысл. И когда она кончится.

Шутка упрямо торчала, разрастаясь и становясь той самой правдой, что нельзя ни обойти, ни спрятать, а только принять ее во всей бессмысленной простоте. Была она столь внезапной и чудовищной, что сознание Коли не могло и не желало принять ее, защищаясь непониманием, уговаривая, что это лишь наваждение, внезапный сон или помутнение чувств.

В дальнем углу охнула старуха, которой не нашлось угла в общей палате, вдалеке проскрежетала каталка, тишина вернулась к мраморным колоннам.

Аполлон Григорьевич не стал утешать, а только выпустил клубы дыма, ядреный дух которого Николая перестал различать. По щеке предательски скатилась слезинка. Изо всех сил он старался быть мужественным. Но сил не хватало.

• ТОМ II •

Колокольчик звал.

...И окружающий мир замер, мягко вздрогнув, словно подернулся зыбью. В нем извивались, струясь и волнуясь, улицы, лица, дома, тротуары, как отражения в ртутном зеркале. Длилось это не дольше мгновения, яркого и глубокого. А когда вернулись прежние обличия, когда свет и тьма разделились, когда твердь под ногами окрепла, властный зов потянул за собой. Он шутил и ласкал, шептал и обманывал. Не было мочи послушаться. Хрустальным звоном манил и манил. А потом взмыл до пронзительного свиста.

...И на пике, на пронзительной ноте подступила тишина, глухой ватой окутывая и поглощая до последнего ноготка, до озноба, до кровинки. Целиком и навсегда.

...Жарко, очень жарко, нечем дышать. Это оттого, что опять печку натопили, забыли, что нельзя столько дров бросать, вот и раскалили докрасна. К ней, наверно, прикоснуться боязно, сразу ожжет. Да вон и дверца распахнулась, а из нее горящие угли так и сыпятся, так и сыпятся, уже весь пол залит, словно лавой. Хорошо, что не жгутся. Только жарко. Отчего же никого нет? И куда все подевались? Ведь так и дому сгореть недолго. Но что же никто жара не слышит? А дыма нет, вот и жара не замечают.

Как все-таки душно. Хоть бы окно открыли. О, да они нараспашку, вон и занавески отдернуты, а там ясное небо и птица пролетела, совсем лето настало. Зачем же так то-

пить? Хорошо бы прилечь у печи, но нет, идти надо, зовет кто-то. Ноги не слушаются, тонут, словно в вязкой глине, как на сельской дороге после дождя, сразу не совладаешь. Вроде торопишься, а так и не сойти с места. Надо, надо спешить, а то ведь не успеется.

Там, в дальней комнате, ждет. И окликнуть нельзя, чтобы помогли, потому что теперь уже поздно, все спать легли или не проснулись засветло. Только бы пятки отодрать от половиц, вот ведь, как клеем намазаны. И жар давит, так и прет, так и прет из всех щелей.

Вот уж другая комната. Темно, ничего не разглядеть. Почему же света не принесли? Свечей жалеют. И опять никого. Что же за обман такой? Печки здесь нет, а все жаром пышет. Почему же пусто, куда все подевались? Не может в доме так пусто быть.

Зовет, зовет. Она зовет. Как хорошо улыбается. Как славно, как сладко. Зовет к себе. Скорее, скорее. Ветер играет складками юбки. Широкие рукава платья шевелятся ласково. Надо выдраться из клея. Вот уже и руки протянула. Какая она красивая, какая нежная и чистая. Скорее к ней. Коснуться и прижаться, чтобы не отпускать никогда. Еще немного, и липкие цепи падут. Она ждет и зовет. Еще немного, еще надо постараться. Да что же так жарко! Лишь протянуть пальцы, коснуться ее плеча, ее волос, блузы. Еще усилие... Еще... К тебе... Совсем близко... Это я... Я иду к тебе...

...Сон отпускал. Сразу и до конца. Словно ничего и не было. Оставался страх и пот. Тяжелое дыхание и промокшая сорочка.

Но было что-то еще, что всегда доставлял этот сон. Или не сон, а наваждение, волшебный изворот сознания, недоступный докторишкам. Да какая разница, как называть. От него оставалась не только усталость пережитого, не только радость, что все прошло бесследно, и никто

не заметил, и не надо отвечать на тревожные вопросы и подозрительные взгляды, не надо благодарить и отказывать в помощи посторонним. Было нечто куда более важное, самое потаенное, что пряталось за муками, как зернышко золота в куче угля.

Оно легонько подмигивало, будто намекало на скромную тайну, уже известную, но все еще упорно отрицаемую. Оно щекотало до приятной веселости во всем теле, обещая просветление счастьем. И было это нечто такое, в чем и признаться нельзя, потому как — невозможное, необъяснимое, стыдное и бесконечно истовое. Настоящая тайна только для себя. Была эта тайна о самом нестерпимом удовольствии, какое способно испытать человеческое существо. Какое не описать, не объяснить, а только пережить в счастливом мучении.

И забыть нельзя, пригубив лишь раз. Как вино отменной выдержки. Да что там, крепче и слаще любого вина. Нет, нету в этом зыбком мире такого вина, чтобы сравнилось силой, чтобы ударяло в голову, пронзало душу. Сколько не пей, не напьешься допьяна. Только и остается, что ждать другого раза, когда настанет дикий и волшебный миг, ради которого, быть может, стоит теперь жить.

И он непременно вернется. Ведь это суждено. Тем, кто отмечен на страдание и счастье. Незнакомого всем иным.

Обещанного избранным.

Что ж...

* * *

Иван барахтался счастливой мухой в бочке меда. Так упоительно хорошо, так мучительно сладостно, что если бы настала сейчас вечность, то провел ее здесь без остатка. Чего еще желать, когда все наслаждения, о которых мечтал, случились, и длились не жалкие земные минуты,

а растягивались бесконечной резиной. Ни конца им ни краю. Если бы не проклятый гвоздь. Иван хотел было не замечать, но куда там. Влез и торчал гнилой занозой, свербя, расширяясь и разрастаясь, пока не пробил облака. Волшебный туман лопнул грязными брызгами. Иван очнулся.

В темноте, разрезанной пятном дверного проема, виднелись штабеля полотняных тюков, плетеных корзин, рулоны бумаги, бархатные занавески, горы ваз и вазочек, античных и бронзовых статуй, рухлядь и хозяйственный хлам, среди которого метлы с лопатой. Иван нашел себя свернувшимся калачиком, плечо уютно подпирало бок мешка. На этом уют закончился.

Приказчик Терлецкий молчал, но такой был у него неприятный и тяжелый взгляд, что любого подымет быстрее полковой трубы.

— Извольте отдыхать, месье Казаров? — спросил он.

Иван сделал вид, что еще не совсем разлепил веки.

— Известно ли вам, который теперь час?

Это было Ивану категорически неизвестно. Собственных часов у него теперь не осталось. В магазин пришел еще засветло, как полагается. И всего-то заглянул в кладовку. Расслабился в тепле, пристроился на минуточку, и вот, пожалуйста.

— Обязаны были доставить заказ в надлежащий час. Разве не знаете?

Знал Иван, еще как знал. С вечера сам управляющий предупредил, что клиент важный, а потому прихоть исполнить надо в точности. Сказано: свежайшими, только что срезанными, так чтобы утренняя роса не опала.

— Вам, Казаров, что было приказано? — продолжил Терлецкий удивительно приятным образом. — Вам было приказано ровно в восемь доставить заказ по известному адресу. Что же мы видим? А мы видим, что пробило поло-

вину десятого, а наш милый Казаров и глаз продрать не изволит!

Полная катастрофа! Проспать два часа! Если бы его мучитель знал, сколько сил Иван отдал ночью, сколько нервов потратил. Но разве объяснишь этому наглаженному субъекту всю глубину страданий, разве раскроешь душу. Ему бы только перед хозяином выслужиться да у клиентов чаевые зарабатывать. Жуткая личность.

— Извольте немедленно привести себя в надлежащий вид!

Поднявшись под взглядом палача, Иван отряхнул брюки и сюртук. Строгий жест указал на сбившийся галстук и прилипшие к нему соринки. Придрался к пыли на ботинках и складках сорочки.

Оглядев результат, Терлецкий выразил глубокое неудовольствие:

— Порочите честное имя нашей фирмы. Даже посыльный должен выглядеть так, чтобы все знали, где он служит. Надеюсь, запомните.

Нерадивый посыльный давно вызубрил строгие правила. Но если бы все исполняли законы да правила, что бы за жизнь началась? Одни мучения. Честное слово...

— Если подобное повторится, будете уволены. Чтобы через четверть часа заказ был доставлен. Лично проверю.

Пробурчав извинения, Иван отправился в «холодную», где среди брусков льда хранился нежный товар. Посылка возвышалась шуршащим облаком над массивной вазой. Складки упаковочной бумаги строили рожицы и нагло дразнились. Подхватив массивную ношу, скрывающую Ивана до макушки, он выбрался на Большую Морскую улицу. Путь неблизкий. Но извозчика не предложили. Спасибо, хоть Терлецкий дверь придержал. Оставалось нестись на своих двоих.

Пятый день февраля 1896 года выдался на удивление теплым и слякотным, впрочем, как и вся предыдущая не-

деля. В этом году весна явно спешила в столицу до Великого поста. Улицы превратились в снежное болото, лениво разметаемое дворниками. На главном проспекте столицы было почище. Пока Иван добрался до Невского, насквозь промочил лаковые ботинки, которые носил зимой ради фирменного шика.

Посылка притягивала внимание. Дамы провожали ее завистливыми взглядами, гадая, кто же эта счастливица, получающая по утрам такие подарки. Быть может, актриса или юная принцесса. Мужчины напротив, хмурились и недовольно качали котелками, прикидывая, во сколько обходится подобное баловство и кто может вот так запросто себе это позволить. Этот интерес Казарову был совершенно безразличен. Не замечая славы, он старался не споткнуться и не свалиться в грязь. За посылкой ничего не было видно, приходилось ступать почти наугад.

Запыхавшись так, что пар валит изо рта, Иван добрался до угла Литейного проспекта и Бассейной улицы. Значительный дом всем видом подчеркивал солидность. В меблированных комнатах «Дворянское гнездо» селилась чистая публика, с большим достатком и прочным положением. Тут проживали те, кто не успел обзавестись собственным особнячком или просторной квартиркой, но жить в доходном доме считал ниже своего достоинства. К постояльцам относились со всем возможным почтением, какое не встретишь и в отеле, стараясь не докучать и предоставляя свободу жить как хочется.

Кивнув швейцару, торчавшему на углу, Иван вошел в отдельное парадное с Бассейной улицы, поднялся на второй этаж, кое-как переложил груз из руки в руку и дотянулся до электрического звонка. В дом было подведено электричество. Колокольчик позвал хозяев. Но посылочному никто не открыл.

Выждав приличное время, Казаров крутанул ручку двери.

Ответа не дождался. Зато дверь была не заперта. Потянуло жилым духом. В другой фирме, не столь знаменитой, посыльный оставил бы ношу у швейцара и счел свою миссию выполненной. Подумать о таком святотатстве Иван не рискнул. Наверняка погонят взашей. Оставалось одно средство. Нарушив строжайшие правила этикета, он самолично приоткрыл дверь, влез в щель и наглым образом крикнул:

— Доброе утро, презент доставлен! Позвольте войти?

Быть может, Иван и не решился бы на такое разнузданное поведение. Но сегодня деваться было некуда, и так проштрафился. Да и вообще: за что ругать человека, который доставил такой подарок? Должны встретить и принять.

В маленькой прихожей горел свет. На вешалке — уличная одежда и головные уборы, на положенном месте стояла обувь, зонтики теснились кучкой. Из кухни тянуло подгоревшим кофе и пережженным молоком. Белые створки прикрывали вход в гостиную. (Иван прикинул, что за ними гостиная.)

— Прошу простить! — нарочито громко выкрикнул он.

Молчание. Заснули, что ли? По всем признакам, хозяева дома. Торчат посреди порога с ношей неудобно. Но и без спроса войти непозволительно. Это уж совсем из ряда вон.

Возвращаться в магазин с грузом? Лучше сразу искать новое место. Сунуть швейцару? Незнакомы, так, здоровались, и только. Что же делать?

Казаров окончательно нашел положение свое безвыходным. И потому решился. Перешагнув порог, он кашлянул зычно, сообщив, что прибыла посылка. Дом выслушал. Но обитатели не явились.

Собрав остатки решимости в один кулак, другим Иван вежливо постучался. Из гостиной не откликнулись. Наверняка заснули.

Ничего не осталось, как идти до конца. Раз зашел так далеко. Казаров мужественно открыл дверь, пропуская вперед роскошную ношу. Чтоб было ясно, кто врывается таким бесцеремонным образом. В гостиной было тепло и душно. Пахло необычной смесью дорогих духов и чем-то еще, что Иван не мог узнать, немного приторно сладковатым. Стоя под защитой бумаги, он ждал: вот сейчас его окликнут, удивятся и захлопают в ладоши.

Маятник отмерял тишину.

Пребывать в глупейшем положении бесконечно Иван не мог. Надо сложить посылку на самом видном месте и поскорее удалиться. Пусть Терлецкий сам разбирается с капризами заказчика. Только бы найти место, где оставить чужое добро.

И Казаров опустил ношу верхом вниз, что делать категорически запрещалось.

Гостиная открылась во всей красе.

Иван моргнул, надеясь, что спит в кладовке, и это ему только кажется. Потом моргнул еще раз. И еще... Наваждение не исчезало. Руки стали ватными, пальцы ослабели, драгоценная посылка выскользнула, упав на ковер.

Казаров не хотел смотреть. Но не мог оторваться. Словно погружаясь в гипнотический сон.

И сны проходят... Что-то подхватило его и швырнуло в реальный мир. Иван вздрогнул. Он слепо попятился, ткнулся спиной в косяк, отпрянул в панике, вывалился спиной в прихожую, заметался, как в западне, налетел на входную дверь, распахнув ее, оказался на светлой лестнице, и только тут из него вырвался протяжный и жалобный стон, как из лопнувшего шарика. Споткнувшись, он чудом не скатился по лестнице, рискуя сломать шею. Обняв ступеньку, Казаров завыл по-бабьи.

На этажах распахивались двери. Вылезали соседи, подталкиваемые любопытством. Швейцар, забросив па-

радный вход, прибежал разузнать о безобразии. Из непорядка он обнаружил недавнего гостя ползущим по лестнице ящеркой и будто бы не в себе.

Посыльный оглох, ослеп и орал отчаянно.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮЛИЧКИ ПРОКОФЬЕВОЙ

Писано февраля 5-го числа, ближе к полудню.

Снился дурной сон. Ничего не поняла. Только помню: так неприятно стало, будто ножом по тарелке. Наверное, все после его разговоров. *Он* стал таким несносным. Все сидит задумчивый. И порой так посмотрит, что мурашки по коже. Я напонила обещание свозить меня в Ниццу весной. *Он* сказал, что это еще не скоро и надо все обдумать. Меня так угнетает его дурное настроение! Мне хочется петь, веселиться, а мы даже не можем выйти вместе. Ну что это такое. И теперь еще его дурное настроение. Это ни на что не похоже. Сделала ему выговор. *Он* посмотрел и сказал, что надо быть менее легкомысленной. Это я легкомысленная? О, как мужчины бывают порой глупы. Я обожаю его, не могу дождаться, а *Он* говорит мне о легкомыслии! Что за странность! Нет, все-таки я его растормошила, и *Он* заулыбался. Стал таким, как прежде. И что с ним происходит? Ничего не говорит, как это противно. Заказала ему новое платье. *Он* обещал исполнить. Такой славный, что просто сил нет! Хочется обнимать и тискать. Пойду в Пассаж. Там обещали новую коллекцию в шляпном салоне мадам Десанж. Не забыть записаться на завивку к Ж.

* * *

В прихожей было тесно. А всего-то три господина в штатском и один в мундире штабс-капитана. На нем задержимся чуть дольше. Роскошные бакенбарды его пере-

ходили в не менее роскошные усы, отчего видом напоминал он подстриженного фокстерьера. Кроткий взгляд и общая округлость форм говорили скорее о мягкости характера, если не добродушии. И откуда взяться таким качествам в участковом приставе?

Действительно, хозяин 1-го Литейного участка был натурой ласковой, насколько позволяет полицейская служба. Подчиненные не столько его боялись, сколько уважали, за глаза называя Бубликом, что неплохо ладило с фамилией Ощевский-Круглик, какая досталась ему от родителя. Роберт Онуфриевич смотрел на мелкие недочеты снисходительно, сильно не гонял и всегда старался быть мудрым или, на худой конец, справедливым начальником. Среди своих он держался непринужденно, смеяся на шутки, но не переходя опасную грань панибратства.

Нынче у господ полицейских было прекрасное настроение. Обменивались остротами, сплетничали, при этом не делая малейшей попытки заняться прямыми обязанностями, хоть протокол составить. Дисциплинированный Бублик взирал на безделье с отеческим умилением.

Как вдруг городской, топтавшийся на лестничной клетке, принял стойку «смирно» и отдал честь. На пороге возник господин, заслонивший свет. Разговоры, как по команде, стихли, чиновники присмирели и взирали на него с некоторой опаской. Пристав широко улыбнулся, гостеприимно распахнул объятия, насколько хватило места, и провозгласил:

— Ну наконец-то. Какая радость! А мы вас только и ждем, дорогой вы мой!

Настрой гостя не сулил теплой встречи. Был он чем-то раздражен или раздосадован и, кажется, искал, на ком бы сорвать свое раздражение. При величественной фигуре и мощном сложении это могло кончиться довольно скверно.